

В тринадцать она очень переживала, что родилась 1 февраля. В то время достать зимой в Москве живые цветы было почти невозможно. «Какая я несчастная! Мне никогда не подарят на день рождения живые цветы...»

Мало на свете женщин, получивших в своей жизни столько цветов. И в будни, и в дни, подобные сегодняшнему.

Женщин с таким именем и такой распространенной фамилией — Максимова — тысячи, в одной Москве, наверное, несколько сотен наберется. Но ее имя и фамилия, произнесенные вместе, мгновенно рождают единственно возможную ассоциацию.

Екатерина Максимова. Балерина. Великая балерина. И сегодня ее день. Но кто всерьез поверит, что ей исполняется шестьдесят? Ей — легкой, тонкой, всеящей не больше сорока килограммов, еще которую весь мир до сих пор называет просто Катей...

— В детстве мама спрашивала: что вкусного приготовить на день рождения? Я всегда просила фасолевый суп и печеную картошку. — Краешками губ она улыбается своим детским воспоминаниям. — Пирожные? Нет, сладкое, пожалуй, — единственное, что я не очень люблю. А пироги с капустой мама пекла.

— Пироги — это когда Катя уже стала постарше. А в ее детстве мы трудно жили. — Татьяна Густавовна не очень-то охотно рассказывает обо всем, что связано с ней самой. — Иногда я просыпалась в ужасе, что сейчас встанет Катя, а мне нечем ее кормить. Делали лепешки из картофельных очистков. Пропустишь кожурку через мясорубку, добавишь то тмина, то спитого какао — и весь рецепт. Но Катя до сих пор их вспоминает, даже просит: «Мам, сделай лепешки, как в детстве». А в них никакого секрета. Голодные были, вот и весь секрет. Только зачем про все это писать... Все уже писано-переписано.

Да, сказать о Максимовой что-то новое вряд ли удастся. Ей посвящали книги, телепередачи, статьи, за десятки лет сказаны уже все слова превосходной степени. Хотя Татьяна Густавовна сетует на нынешнюю прессу:

— Чего только не выдумывали, какую только биографию не сочиняли! С Володей их сводили-разводили... Они сами всего не знают, я стараюсь им особо неприятные статьи не показывать. Откуда эта страсть к подглядыванию в замочную скважину! Прежде такого было гораздо меньше. Я ведь не поверхностно сужу, сама работала в газетах.

Максимова-старшая в журналистике оказалась не по своей воле. В тридцатые годы, особенно после того как в 1937-м был расстрелян ее отец — известный философ Густав Шпет, выбирать не приходилось. Работала в «Московском певце» во времена легендарного Михаила Кольцова, но в 1939-м вынуждена была уйти — не с кем было оставлять новорожденную дочь. Пришлось найти работу поближе к дому — в многоэтажной консерватории, которая была в нескольких минутах ходьбы от их Брюсовского переулка. В многоэтажке не требовалось сидеть с утра до вечера. Только раз в неделю, когда выпускался номер, проводила на работе всю ночь, надеясь, что дочь спит крепко.

Сегодня Татьяна Густавовна не только держит на себе дом, позволяя знаменитым дочерям и зятю — великому танцовщику, нынешнему художественному руководителю Большого театра Владимиру Васильеву полностью сосредоточиться на работе, но и исполняет роль главного архивариуса и знатока творчества, секретаря по связям с общественностью и менеджера, которых у всемирно

известной звезды нет и никогда не было. В эти дни Татьяна Густавовне пришлось встречаться с журналистами чаще, чем занятой на работе в двух театрах и преподаванием в ГИТИСе Екатерине Сергеевне, заниматься билетами, подбирать для телевизионщиков из домашнего архива фрагменты видеозаписей балетов, в которых танцевала Максимова. Это помимо приготовления обеда...

— Как любая мама, она считает меня абсолютным ребенком. Как воспитывала, так и воспитывает: не так оделась, что-то не так сделала... — В устах Екатерины Сергеевны это звучит отнюдь не жалобой. — Раньше я думала, что перерасту, но до сих пор этого не случилось. Пери-

Она могла еще танцевать и танцевать, но не видит жертвы в собственном уходе. Так матери жертвуют собственной карьерой ради детей, того не осознавая.

— Кому из учениц вы передали свои лучшие партии?

— Если вы думаете, что я могу выбирать, кому и что передавать, то это не так. У меня может быть свое видение, но, работая в театре, я обязана делать то, что нужно театру. Это касается и артиста, и педагога-репетитора.

— Приходилось танцевать то, что не хотелось, но надо?

— Сама я ничего не выбирала. Вызывали и говорили: ты должна! Иногда это совпадало с желанием, иногда нет. О чем-то

все партии — не вспомнила, ее мама назвала только Одиллию из «Лебединого озера». Не создана Максимова для зла. Другое дело, что, говоря о своей «доброй» балетной роли, она настаивает, что и в добре не все так однозначно: много красок. Не случайно же при всей сюжетной объяснимости подмены Одиллии и Одиллию всегда танцует одна балерина. И, заглянув в собственную душу, любой человек без труда отыщет там и лебедя белого, и лебедя черного. Вопрос в соотношении.

Мы говорим о полутонах добра и зла, о том, что в разные периоды жизни добро и зло воспринимаются по-разному. Что-то, в юности казавшееся злом, вызывавшее обиды, в итоге ока-

Татьяна Густавовна, как и дочь, считает, что все нынешние сетования на жизнь оттого, что у молодых нет их закалки.

— Даже послевоенное время — ничто по сравнению с тем, что было в гражданскую, или с голодом 1930—1932 годов. Когда сейчас говорят: «Ах, какие мы несчастные, у нас нет денег, нечего есть!» — я этого не понимаю. Мы сорок лет ездим летом отдыхать в костромскую глубинку. Когда приехали впервые в 1959-м, там не было ни радио, ни телефонов, свет давали на два часа в день. Прошлым летом местные жители все жаловались, что жить трудно, нет денег, а 17 августа за несколько часов скупили все, что было

симова говорит об этом совершенно спокойно: «Вот уж все равно. Нет «Мерседеса» — так я всю жизнь езжу на «Жигулях».

Ездит на «Жигулях», живет в некогда престижном доме на Смоленской набережной, в котором сегодня не слишком-то уютно — рядом метрополитен, под окнами, с одной стороны, непрекращающийся поток машин по набережной, с другой — грохот стройки английского посольства. Но никому из этой семьи и в голову не приходит выказывать какое-то недовольство или задуматься о соответствии жилищных условий звездному статусу. Очевидно, что откровенно перед нынешними солистами балета материальные горизонты привлекают Максиму куда меньше, чем открывающаяся вместе с ними возможность танцевать что хочется. А деньги — ей все равно...

Ей все равно, а мне нет. Мне стыдно, что великий вратарь Владислав Третьяк, превосходящий трудом и талантом всех нынешних легионеров НХЛ, вместе взятых, получает пенсию, которая в пересчете составляет сорок долларов, и вынужден проводить занятия своей вратарской школы в Канаде. Мне стыдно, что только сейчас вспомнили про Ирину Роднину. Мне жаль, что никогда не было в Москве балетной школы или конкурса Галины Улановой, как нет теперь школы или конкурса Екатерины Максимовой.

Самой Максимовой никогда бы и в голову не пришло требовать чего-то для себя, под свое имя. Вместо образа неуязвимой прима она выбрала совершенно незаметную для зрителя, но слишком важную для балета роль педагога-репетитора — так же спокойно и естественно, как когда-то Галина Сергеевна Уланова, долгое время работавшая с Максимовой и Васильевым.

Рассуждать на эти темы Екатерина Сергеевна не любит, и наш разговор возвращается к тем «Жигулям», которые Максимова водит вместо «Мерседеса».

— Когда у меня нет машины — ощущение, что жизнь кончилась. Никуда не успеваю.

На вопрос, узнают ли ее гаишники, отвечает, что ее редко когда узнают. Время, когда балерин боготворили и носили на руках, было еще в доэстрадную эру. В отличие от коллег по ремеслу Максимовой добавили узнаваемости теледебаты и фильм «Фузте», но она сама не любит их пересматривать.

— Телевизор почти не смотрю, до видеозаписей руки не доходят, ими у нас в семье заведует мама, ведет архив. Да и смотреть на себя я никогда не любила.

В этом ее вкусы со зрительскими не совпадают. У ее фильмов, постоянно повторяющихся по разным каналам, и сейчас высокий рейтинг.

Спрашиваю, изменилась ли семейная жизнь с назначением Васильева художественным руководителем Большого. Ведь прежде они двадцать четыре часа в сутки проводили вместе — и дома, и на сцене.

— Теперь, днями не видимся, сталкиваемся в лифте. Пришлось привыкать к новой ситуации, скучать. Когда Володя согласился на новую для себя работу, я волновалась за него. Вечерами его расспрашивала: что было, кто что сказал... Потом поняла, что он так устает за день, что, приходя домой, еще раз это перебаривать у него нет сил. И я перестала. Рассказет — хорошо. Нет — так нет.

Она не только великая балерина, но и мудрая женщина.

В Большом сегодня вечер в ее честь. Она не призналась, выйдет ли сама на сцену. Но мне кажется, что выйдет. Не сможет не выйти. А мама из ложи еще раз полюбуется. Такой дочкой грех не полюбоваться.

● Елена АФАНАСЬЕВА

МАТЬ И ДОЧЬ МАКСИМОВЫ

Этого может пожелать себе каждый — чтобы с шестидесятилетним юбилеем тебя поздравила мама!

Сегодня в Большом театре состоится вечер в честь Екатерины Максимовой.

И рядом с именинницей будет сидеть ее мама Татьяна Густавовна, которой сейчас 84 года

дически с моей стороны случаются бунты, как у подростка: «Мама, я же уже взрослая, что-то понимаю». Но для мамы я до сих пор не выросла.

— С утра она в Кремлевском балете, там классы, потом репетиция с солистами, после трех сразу едет в Большой, домой вернется только после спектакля — часов в одиннадцать сядет обедать, она же весь день ничего не ест. — Татьяна Густавовна рассказывает мне о распisanном до минуты графике работы ее дочери. — В понедельник в Большом выходной, но репетиции в Кремле, так что выходных у нее нет. А еще этот юбилей...

Действительно, поймать Максиму-младшую удалось только после пяти дней непрерывных звонков и домогов, и в оба театра. Она говорит, что мечтает позволить себе поболеть, поехать хотя бы недельку, но не может.

— Когда я танцевала, я отвечала только за себя. Если лягу и буду лежать, это скажется только на мне. А сегодняшняя моя жизнь связана с учениками. То у одного спектакль, то у другого, репетиции. Если не приду, подведу учеников, а я их всех люблю, за всех переживаю.

В небольшом репетиционном зале с видом на кремлевские купола — совсем не зимнее солнце. Юная солистка с красивыми глазами и обаятельной улыбкой танцует очень старательно, залюбуешься. И лишь когда Максимова (как есть — в брюках и туфлях) встает со своей тренерской скамейки что-то показать, становится ясна разница между одаренностью и великим талантом, видным в каждом движении.

Со сцены она ушла, когда ей было 55.

— Хотела уйти раньше: балет — искусство молодых. Но только думала: станцию вот этот спектакль и закончу, — как появилась новая интересная работа. Так и задержалась.

Еще танцуя, Максимова начала преподавать в ГИТИСе, где она сегодня профессор, и репетировать с солистами.

— И стала понимать, что совмещать тяжело. Играю спектакль, а сама думаю: скорей бы закончился, ученики ждут репетировать. В какой-то момент их интересы перевесили мои собственные, и я ушла.

можно было только мечтать. Но прийти и сказать: «Дайте мне этот спектакль, я хочу его танцевать!» — в наше время было невозможно.

Максимова считает, что у нее счастливая судьба. Из репертуара Большого она станцевала все, о чем только можно было мечтать. Другое дело — спектакли, которые в афише не значились.

— Никогда не танцевала «Тщетную предосторожность», никогда не танцевала «Копеллию», они не шли в Большом. Но мне и в голову не приходило сказать: «Поставьте мне этот спектакль!» Счастье, что сейчас у молодых появилась свобода выбора. Конечно, больше ответственности, но и больше возможности ездить по миру и возвращаться. Мы такой возможности были лишены.

— В те времена вся страна была уверена, что «в области балета мы впереди планеты всей». Но теперь и это утверждение попало под общую волну отрицания, преимуществ советского балета названо мифом.

— Это был не миф. Русский балет и был впереди, и остается впереди. Другое дело, что, когда в 1956-м «заванес» открылся, Запад это все очень быстро впитал. И новое поколение хореографов — и Аштон, и Макмиллан, и Кранко — развивалось под влиянием того, что было в русском балете. А у нас была установка, что «это западное влияние нам не нужно». Сегодня ситуация обратная: легко отбрасываем все хорошее, что у нас было, и признаем только западное — как в балете, так и в обществе. Это побочные явления, надеюсь, они уйдут, как болезни переходного возраста.

— Во сне вы танцуете?

— Иногда, но это не такие красивые сны — ах, как хорошо я танцую! Скорее кошмары. Бежишь по каким-то коридорам, не успеваешь к своему выходу, нет нужного костюма... Или надо выходить в какой-то партии, которую вообще не знаешь.

Балет — искусство условности, где добро и зло, белый лебедь и черный предстают в чистом виде. Но при всей балетной подневольности Максимовой за всю жизнь не довелось танцевать зло. Перебрала мысленно

Олег Дмитриев. КУЛИКОВА

зальсь во благо. «Вспоминаю, ду- маешь: какое счастье, что на- шлись в тот момент люди, по- ставили на место».

— Наше тяжелое время оз- лобило людей?

— Тех, с кем общаюсь, — нет. Все познается в сравнении. У моего поколения в жизни случались более тяжкие времена, которые не сломали, а только закаляли. Молодыми проис- ходящее сейчас, может, воспри- нимается иначе. Когда гово- рить, что во время войны было хуже, они отвечают: «Почему мы должны жить, как во время войны?» И они правы.

Она помнит войну. Воспо- минания обрывочные, но оста- лись в памяти лучше многого, что было с нею потом.

— Бомбоубежище, заклеен- ные окна, странные шары дири- жаблей, ходящие по небу лучи прожекторов... Помню, как бом- ба упала напротив нашего дома. Окна побились, все зазвенело, и у шкафа, который казался мне огромным, вдруг сами раскры- лись двери. Слишком детские воспоминания, конечно...

У ее мамы такие детские воспоминания остались от рево- люции, которую она встретила почти в том же возрасте, что дочь — войну.

— Красноармейцы на ули- цах, стрельба. Потом стали хо- дить по квартирам — уплот- нять. Привели к нам каких-то людей, говорят: «Они будут здесь жить». И все!

Максимова Екатерина

04.02.99

н